

шится: завершение процесса означает его конец, его смерть.

Думается, что время, отнимаемое на пышущие псевдоблагородным гневом словопрения, лучше бы употребить на действительное совершенствование документоведения и книговедения, на обсуждение статуса документологии, структуры этой научной и учебной дисциплины.

Теперь мне остаётся ждать, когда специалисты выполнят задание М.С.Слободяника

и ответят на его вопрос: "На основании чего Н.А.Низовой высказал острое неприятие учебника Н.Н.Кушнаренко "Документоведение"?. И правда – на основании чего? Мне тоже очень интересно это знать. Попробуйте найти такое основание, дорогие читатели! А то мне, например, не удалось это сделать, как ни старался.

Ю.Н.Столяров

12 марта 2008 г.

Статья друкується за авторською редакцією

ДИСКУССИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ КОНСТРУКТИВНОЙ

М.С. Слободяник

Представленные в данном номере журнала полемические публикации профессоров Н.А.Низового и Ю.Н.Столярова, по моему убеждению, позволяют достоверно отразить профессиональные взгляды и моральные принципы, которые исповедуют эти известные ученые. Убежден, что читатели нашего журнала достаточно квалифицированы для восприятия аргументов оппонентов и сделают самостоятельные выводы о профессиональных и нравственных итогах их полемики. Это убеждение позволяет мне отказаться от роли третейского судьи в этой "дискуссии", в которой обсуждение профессиональных вопросов зачастую подменяются личностными обвинениями, а эмоции оппонентов явно "зашкаливают".

Поскольку один из участников дискуссии Ю.Н.Столяров попытался дать ответы и на мои критические замечания, высказанные в статье [2], я, естественно, не могу оставить эту попытку без внимания.

Отмечу лишь некоторые моменты в пространной статье Ю.Н.Столярова, поскольку она ярко демонстрирует, что Юрий Николаевич, к сожалению, не смог профессионально ответить и на замечания Н.А.Низового по учебнику Н.Н.Кушнаренко (хотя справедли-

вости ради отмечу, что он и не должен был в этом вопросе подменять автора).

В новой статье Ю.Н.Столяров продолжает искусно применять излюбленные им полемические приемы, позволяющие не отвечать на неудобные вопросы, поставленные в публикациях [1, 2], как и в других многочисленных работах, в которых весьма аргументировано критикуется его документологическая концепция.

Данная статья ярко иллюстрирует излюбленные Ю.Н.Столяровым приемы игнорирования очевидных фактов, граничащие с их подтасовкой и искажениями. Кроме того, из его публикации следует, что Юрий Николаевич не очень внимательно читает не только статьи Н.А.Низового [1] и М.С.Слободяника [2], но и собственные публикации [3-5]. Останемся на этом утверждении подробнее.

В частности критическое замечание Л.Я.Филлиповой по учебнику Н.Н.Кушнаренко процитированы в статье [1].

Хочется задать автору следующий вопрос: так все-таки? уважаемый Юрий Николаевич, новое научное направление разрабатывает "дружный пионерский отряд", или понятие "пионер" подчеркивает, как я считаю, приоритет ученого? И правомерно ли считать началом разработки теории документа в СССР

1991 год – приведенную Вами дату известной публикации Г.Н.Швецовой-Водки.

Далее о злополучной "завершенной науке". Меня радует, что Вы, как и я, считаете это понятие неправомерным. Если у Вас есть сомнения по этому поводу, процитируйте работу, в которой я указываю имена ученых, считающих иначе. Предлагаю Вам более внимательно прочесть, в каком контексте я обозначаю свои разногласия с Н.Н.Кушнарченко и Ю.Н.Столяровым [2, 37]. Несколько удивляет и то, что Юрий Николаевич ставит знак равенства между административным ресурсом, которым безусловно располагает Председатель специализированного ученого совета или эксперт ВАК, и престижными обязанностями участия в работе редколлегии профессиональных изданий и ученых советов авторитетных научных учреждений.

Озадачивает и утверждение Ю.Н.Столярова о якобы задержке его публикации. Юрий Николаевич, постарайтесь хотя бы самому себе дать убедительный ответ на вопрос, каким образом возможно вначале подать статью не в журнал "Библиография", который объявил дискуссию, а в наш журнал, который издается в другой стране и вообще не заявлял о намерении обсуждать учебник Н.Н.Кушнарченко.

В своей критической статье Н.А.Низовой отметил отсутствие в учебнике "Документоведение" задекларированного автором "высшего документоведческого анализа книги, как основного вида документа [1, 45]". Я лишь отметил, что наличие или создание такой методики представляет несомненный интерес [2, 35]. Интересно, почему Ю.Н.Столяров не согласен с этим утверждением; а также почему он предъявляет претензии мне, а не автору, задекларировавшему в своем учебнике эту задачу как уже решенную.

И еще об одном личностном моменте. В период, когда я защищал свою кандидатскую диссертацию (сентябрь 1982 года), Вы еще не были ни председателем специализированного совета (им руководил профессор К.И.Абрамов), ни экспертом ВАК (эти обязанности исполнял профессор О.П.Кошунов). Хотя возможность общения с Вами не только

как с проректором по научной работе, но и с крупным ученым-библиотековедом, сыграло большую роль в моем формировании как исследователя. Я навсегда заполнил и Ваши содержательные лекции для аспирантов, что постоянно подчеркиваю в своих выступлениях перед научной молодежью нового поколения.

Однако, несмотря на добрые воспоминания, жанр полемики неумолимо требует возвращения к сути рассматриваемых вопросов.

Поэтому снова о допущенных в публикации Ю.Н.Столярова неточностях. Так раскритикованной Вами кафедрой книговедения ХГАК, которая, якобы не развивает данную отрасль науки, руководит профессор Н.Н.Кушнарченко; возможно этот факт несколько изменит Вашу нелюбезную оценку деятельности этого подразделения.

Несколько удивляет стремление разделить ответственность за качество учебника "Документоведение" со вторым официальным рецензентом, известным ученым – непосредственной подчиненной Н.Н.Кушнарченко. Подобные аналогии в рецензировании учебников и монографий в нашей сфере мне неизвестны. Непонятно, почему этот факт не вызвал соответствующую реакцию ученого совета ХГАК и научно-методической комиссии Министерства культуры Украины (членом которой является и Н.Н.Кушнарченко), принявшей решение о выдаче грифа этому учебнику.

С грустью замечу, что и в статье в данном номере журнала есть абсолютно неправомерные утверждения Ю.Н.Столярова о том, что в его работах вопрос о переходе от документоведения к документологии вообще не ставится. А как же публикация, специально посвященная этому вопросу [5]? А как объяснить утверждение Юрия Николаевича о том, что "М.С.Слободяник принимает мое предложение пройти путь от документоведения к документологии [4, 32]".

И, наконец, считаю необходимым ответить на неправомерные обвинения в адрес организаторов и участников дискуссии в журнале "Библиография". Я согласен с Ю.Н.Столяровым, что редакция этого уважаемого издания допустила

ошибки в организации дискуссии, что не могло не отразиться на ее эффективности и качестве.

Напомним, что Н.А.Низовой направил в редакцию инициативную статью, посвященную преимущественно критике учебника "Документоведение", сосредоточившись в основном на уровне раскрытия в этом издании книговедческих вопросов. Безусловным правом рецензента является выбор концепции своей публикации – указывать, как следовало написать текст учебника, или ограничиться анализом его недостатков. Отмечу, что эта рецензия, по моему мнению, не может стимулировать обсуждение проблемы "путей развития документоведения и книговедения как научных и учебных дисциплин". Этот тезис подтверждается тем, что никто из участников дискуссии не сосредоточился на этой проблеме.

Показательно, что первым предложением редакции не учел сам Ю.Н.Столяров, а статьи Э.К.Беспаловой и Е.А.Плешкевича стали реакцией этих авторов на публикацию Юрия Николаевича.

Перечень вопросов к Ю.Н.Столярову, безусловно, может быть существенно продолжен; однако мне представляется что мое отношение к его документологическим взглядам не вызывает сомнения.

Я также считаю, что на профессорском уровне вести дальнейшую дискуссию в формате, предложенном Ю.Н.Столяровым, не может. Ведь обсуждение серьезных проблем не должно превращаться в перепалку, а научный журнал в "поле брани".

Поэтому предлагаю завершить эмоционально-личностный этап "дискуссии" и перейти к профессиональному обсуждению проблем формирования развития общей теории документа (документологии) [2, 37]. Ведь если то, что нас разъединяет, вполне очевидно, то надо искать то, что нас объединяет – стремление к повышению фундаментальности науки о документе, повышение научного потенциала документоведения и книговедения. Надеюсь на активное участие в конструктивной части дискуссии ведущих ученых Украины и России и научной молодежи.

Использованная литература

1. Низовой Н.А. Борьба за научную истину или за место под солнцем? Научные и нравственные аспекты дискуссии между книговедами и документоведами / Н.А.Низовой // Библиография. – 2006. – № 5. – с.39-51.
2. Слободяник М.С. Размышление о несостоявшейся дискуссии / М.С.Слободяник // Библиотекознание. Документознаство. Информологія. – 2007. – № 4. – С. 33-37.
3. Столяров Ю.Н. Борьба за научную истину, а не за место под солнцем / Ю.Н.Столяров // Библиотековедение. – 2007. – № 2. – С. 51.
4. Столяров Ю.Н. О месте под солнцем и борьбе за научную истину (в продолжение одной дискуссии) / Ю.Н.Столяров // Библиотекознание. Документознаство. Информологія. – 2007. – № 4 – С. 28-33.
5. Столяров Ю.Н. От документоведения к документологии / Ю.Н.Столяров // Інформаційно-культурологічна та мистецька освіта: стан, перспективи; матеріали Міжнар. наук. конф., Харків, 12-13 жовтня 2004 р. – Х., 2004. – С. 27-28.